

Роман Петропавловский

Идея антимещанства в русской мысли

/Герцен - Иванов-Разумник - Мережковский/

Среди отличительных черт свободной русской мысли — идея антимещанства или, если сформулировать ее иначе — идея борьбы с мещанской посредственностью, усредненностью эстетических запросов, нравственных требований и материального благосостояния, с самодовольством "среднего человека", — практически уже с 50-х годов XIX века выдвигается на первый план. Против "унифицированного", нормативного человеческого общежития выступали Достоевский и Ап. Григорьев; идея сильной критически мыслящей личности, презирующей почитаемые большинством авторитеты и моральные заповеди, вырисовывается в публицистике Писарева. Но, главное — поразительной силой ненависть к мещанству, провидческое предсказание надвигающейся, прежде всего, на Западную Европу, но также и отстававшую на пути материального прогресса Россию нивелирующей все и вся в культуре и этике волны уховного мещанства выразил А.И. Герцен.

Конечно, идея "усреднения" социального положения человека в обществе, идея полного уравнивания личностей также овладела русскими мыслителями середины — второй половины XIX века. Фанатическую преданность утопическим проектам такого рода проявили Чернышевский и Добролюбов, заразившие требованием социальной нивелировки общества радикальную молодежь России 60–70-х годов прошлого столетия, идеей расворения личности в народе, тезисом о необходимости "все-народного единства" были увлечены и ранние славянофилы Хомяков, Иван Киреевский, Самарин, Константин Аксаков, культивировавшие мысль об искоренении "эгоизма личностей" в общинном начале. Однако, выступая против государственной регламентации народной жизни, славянофилы /Константин Аксаков в первую очередь/ бросили на русскую интеллектуальную почву и семена анархической вольности, чуждой утопическим учениям о "принудительном равенстве", родоначальниками которых выступили еще Кампанелла и Томас Мор. Именно эта сторона славянофильства была подхвачена и блестяще развита

анархическом бунтарстве Бакунина, который не только, да не столько в своих теоретических построениях, но главным образом на примере, ~~наивысшим образом~~ несмотря на выпавшие на его долю жестокие испытания, олицетворил воиствующий индивидуализм в России.

Поляризация русской мысли, борьба в ней уравнилительных идей с идеей свободной личности, происходившая порой вне традиционного деления идеологий на "демократические" и "консервативные" составила, как, может быть, ни парадоксально, идейный базис для возникновения и развития антимещанства в среде интеллигенции, в Западной Европе, в основной избегающей подобных кричащих контрастов, отсутствовавший. Русский интеллигент второй половины XIX века, даже фанатически служа идее /будь она ультраревольционной или православно-консервативной/, в конечном счете защищал более всего свою личную суверенность от духовного мрака окружающего общества. Поэтому общественная мысль России практически неизменно была окрашена субъективно-психологически, как принято выражаться в нашу эпоху экзистенциально, что и составило ее замечательную черту.

Из историков русской общественной мысли впервые систематизировал антимещанскую тенденцию русской литературы Иванов-Разумник в своем обстоятельном труде о литературно-общественной истории России прошлого века, имеющем весьма точно отражающий содержание подзаголовок "Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в." /Для нас особенно актуален первый том этого труда, вышедший в Петербурге в 1907 году/. Но не Иванов-Разумник открыл эту тему в русской мысли и не ему принадлежит первенство в ее дальнейшем творческом развитии. Как уже отмечалось, родоначальник тематики и автор идеи антимещанства в России бесспорно Герцен, в знаменитых письмах "Концы и Начала" /1863 г./, опубликованных в "Колоколе", развернувший критику литературного и идеологического мещанства с поразительной для своего времени проникательностью и силой. Позже,

а рубеже XIX-XX вв. тема антимещанства буквально захватила творческое сознание Мережковского, стремившегося, опираясь на идеи Герцена и отчасти Бакунина и пересматривая их в духе русского религиозного ренессанса этой поры, выявить нравственное лицо грядущего духовного-мещанина, вскрыть опасность его вторжения в историю и попытаться найти социально-духовное противодействие надвигающемуся "царству всеобщей посредственности". Мережковский создал замечательное произведение, целиком посвященное проблематике антимещанства — знаменитую статью "Грядущий Хам". Он неоднократно возвращался к этой тематике и в иных своих произведениях — "Чехов и Горький", "Страшный суд над русской интеллигенцией" и др.

Бесспорно не вполне правомерно сводить изучение возникновения и эволюции идеи антимещанства в русской мысли к "триумvirату" названных имен. Ненависть к самодовольной посредственности звучала и у Леонтьева, и у В. Соловьева, и у многих других. Данный очерк не претендует на полноту. Он — намеренно символичен. Описательность и детализация данной тематики, не "академической" по своей сути, на наш взгляд лишь измалчивает проблему, приведет к прямолинейной систематизации в духе новейшего рационализма. С другой стороны рассмотрение трех достаточно принципиальных произведений — "Концов и начал" Герцена, первого тома "Истории русской общественной мысли" Иванова-Разумника и "Грядущего Хама" Мережковского, — позволит в достаточной мере опереться на конкретные высказывания и факты, не вырывая отдельных цитат из контекста этих произведений и последовательно оценивая взгляды Герцена, Иванова-Разумника и Мережковского на проблему духовного мещанства.

Вероятно, Горький был в целом прав, когда утверждал, что в Герцене "заключен весь Михайловский" и что именно Герцен дал основные "посылки" народничества. В построении идеологического базиса народничества роль Чернышевского и Добролюбова значительно слабее, слабее именно потому, что идея личности и пафос антимещанства, разгоревшийся в народническом движении, были им чужды и вся проповедовавшаяся ими этика сводилась к идолопоклонству перед "объективной действительностью", которая, якобы, сама по себе может

служить руководством к революционному действию.

Вместе с тем, было бы неверно, хотя это на первый взгляд может показаться даже логичным, отождествить идею антимащанства и идею личности. Именно таким отождествлением страдает описание истории русской мысли с религиозно-православных позиций /у Лосского, у Зеньковского/. Русские религиозные философы, за исключением, пожалуй, одного лишь Бердяева, настойчиво отводят второстепенную роль социальному элементу русской мысли, всемерно подчеркивая ее чуждость заботам об устройении "социального муравейника". Поэтому развитие идеи антимащанства в русской мысли или просто забывается /скажем, в известной двухтомной "Истории русской философии" Зеньковского/, или подменяется борьбой за духовность, за личность, что принципиально неверно, так социальный пафос идеи антимащанства столь же существенен, сколь важна в интеллектуальной истории России XIX-XX веков сама эта идея.

Объективно понятие социального было для русской мысли русской философии одним из центральных. Даже в религиозную мысль в ее наиболее неканонических проявлениях /как например, в концепции Федорова/ оно проникало. Часто не встречала безусловного одобрения идея полного социального равенства в обществе - у Герцена, у Михайловского, - но мысль о возможности тотального преобразования человеческой жизни всегда владела лучшими умами России и мыслилась ими еще всего при активном участии социальных сил, как следствие коренной трансформации социального устройства. Ведь, конечном счете, даже толстовство со своим непризнанием собственности и государства и, казалось бы, а-социальностью объективно несло в себе и социальное содержание.

Есть и еще одно качество русской мысли, выявленное в ее антимащанстве - это ее исконный романтизм. В современных объективистских по духу западных исследованиях эта черта русской интеллектуальной истории обычно характеризуется как "утопизм" - утопизм интеллигенции /чаще всего/, утопизм декабристов, народничества, порой даже утопизм государственных проектов, "консервативный утопизм" и т.д.

конечном счете так создается своего рода исследовательская мифология, — в стране, где утопичны все начинания, реальна лишь стагнация, мертвая точка покоя. В действительности этой стагнации как раз никогда и не было — с начала XVIII и до начала XX-века включительно Россия наоборот стремительно развивалась, особенно в области интеллектуальной, в сфере искусства и общественной мысли. И квалификация идеи антимещанства в русской мысли как идеи утопической не в силах определить ни ее специфики, ни ее значения.

Знаменитые письма Герцена "Концы и начала", опубликованные в "Колоколе" в 1863 году, были непосредственно навеяны его беседами и спорами с Тургеневым, незадолго до этого посещавшим Герцена в Лондоне. Конечно, оппонент автора, обрисованный в "Концах и началах", не может быть отождествлен с Тургеневым — образ корреспондента Герцена отчетливо стилизован и упрощен для полного художественного соответствия с классическим типом русского "либерала-космополита", удовлетворенного благами европейской цивилизации, взлелеянным ею культурными ценностями и не желающего поэтому "рисковать" достигнутой степенью культуры и гражданских прав во имя максималистских идеалов всеобщей социальной трансформации, итоги которой до конца непредсказуемы. Цель Герцена в данном споре сводилась, главным образом, к тому, чтобы доказать, что европейская цивилизация на ее тогдашнем отчетливо буржуазном витке вовсе не выступала хранителем духовных ценностей, а вместе с тем /естественно/ и социально-политической справедливости. И тем, как казалось романтику-Искандеру, он мог оправдать даже с позиций духовного аристократизма — а соответственно и окончательно, — необходимость всеобщего политико-социального переворота. Однако, смело и широко поставленная тема привела Герцена к выводам, перешагнувшим за пределы его в известном смысле традиционных для аристократической революционности идеологических установок.

В полной мере проявился в "Концах и началах" и блестящий эстетизм Герцена, даже несколько неожиданный на фоне традиционного морализаторства тогдашней эпохи. Так,

Герцен красноречиво утверждал: "Искусство... вместе с зарплатами личного счастья, — единственное, несомненное благо наше; во всем остальном мы работаем или толчем воду для человечества, для родины, для известности, для детей, для денег, и притом разрешаем бесконечную задачу, — в искусстве мы наслаждаемся, в нем цель достигнута."<sup>1</sup> Итак, во имя "хлеба насущного", во имя уравниения прав и состояний жертвовать высшим в жизни — достигаемым в искусстве — блаженством духа, — немислимо в глазах Герцена. Но и защита европейского конституционного статус кво не может, как кажется Герцену, сама по себе быть залогом поступательного движения искусства к совершенству. Западная Европа к середине XIX века оказалась, как утверждает Герцен, лишь "красивейшей рамой" для великого искусства прошлых веков, которое в ней хотя и смогли в сохранности донести до буржуазной современности, но не смогли подлинно преобразить.

Вызывать постоянно усонших, повторять Бетховена, играть "Чедру" и "Аталию" очень хорошо, но ничего не говорит в пользу творчества. В скучнейшие времена Византии на литературных вечерах читали Гомера, декламировали Софокла..." — резонно замечает Герцен.<sup>2</sup> Русский мыслитель не видит в современной ему Европе главного — подлинного творчества, вытекающего в его глазах в первую очередь из предпочтения духовных интересов материальным. Безыдеальность, жажда материального достатка, застилающая и нивелирующая все жизненные ценности — вот, как настойчиво утверждает Герцен, — неизбежный продукт буржуазного прогресса. Исторический покой — есть то самое страшное, что грозит, согласно идеям Герцена, как раз наиболее развитым и стабильным странам с устоявшимися буржуазно-собственническими отношениями.

---

<sup>1</sup> Герцен А.И. Полн.собр.соч., в тридцати томах, т.XV1, М., 1955, с.135.

<sup>2</sup> Герцен А.И. Собр.соч., в тридцати томах, т.XV1, с.135.

"Чем ближе страна к своему окончательному состоянию, тем больше она считает себя средоточием всех совершенств, как Китай, стоящий без соперников, как Англия и Франция, не сомневающиеся... что они передовые страны мира" — пишет Герцен.<sup>1</sup>

Тургенев, скрыто ответивший Герцену осуществлением замысла "Дыма", законченного в 1867 году, также не сводил свою позицию к успокоенности на достижениях цивилизации и демократии. Как поэтическая альтернатива требованиям действительности и здравого смысла, прославленного романтиста притягивал к себе образ Дон-Кихота, его неувядающая чистота и благородство. Идея "дон-кихотства", вопреки всем велениям рассудка ведущего неравную, но благородную борьбу с силами мирового зла, подкупала Тургенева именно тем, что вера "рыцаря печального образа" не нуждалась в подтверждении действительностью, была отчетливо алогична в своей идеальности. Весьма скромными в то время достижениями европейского общественного и технического прогресса и попытками России следовать западным формам цивилизации, Тургенев со всей традиционной умеренностью русского либерала был весьма доволен, но отдушины для его художнического романтизма такая "трезвость" либерализма не оставляла. Концепция "дон-кихотства" психологически прельщала писателя оправданием борьбы заведомо тщетной с точки зрения итогов, но искупающей свои жертвы своим "идеальным" пафосом. Это было чуждо Герцену, более всего стремившемуся избежать дон-кихотства в своей собственной деятельности. Постоянно пытаясь найти своим в значительной степени эстетически окрашенным бунтарским идеям социальное обоснование, Герцен поступал весьма закономерно, отдавая себе отчет в том, что в общественно-политическом смысле только социальные градации положения человеческой личности — подлинно объективны. Но логика действия социального механизма со все более пугающей очевидностью гласила о неизбежности утверждения в миропорядке будущего эпохи торжества статистического большинства — толпы самодовольной посредственности. И, как показала дальнейшая история русской

исли, концепция антимещанства была первым камнем, брошенным в экономические теории преобразования общества, распространявшиеся в России. По-своему закономерно, что тот камень был брошен именно Александром Герценом.

В своей нелюбви к буржуазному мещанству Герцен был в европейской общественной мысли далеко не одинок. Интеллектуалам той эпохи были отнюдь не чужды высказанные Герценом суждения: "жизнь среднего состояния полна мелких недостатков и мелких достоинств; она воздержанна, часто скупа, без крайностей, излишнего. Сад превращается в огород, крытая соломою изба — в небольшой уездный домик с разрисованными щитами на ставнях, но в котором каждый день пьют чай и всякий день едят мясо." Уже менее характерно для XIX века высказывание Герцена: "с мещанством стираются личности, но стертые люди сытее; платья длинные, незаказные, не по талии, но число носящих их больше. С мещанством стирается красота породы, но растет ее благосостояние." Когда на повестке дня стоял вопрос о "изве пролетариата", главной задачей казалось устранение бедности в ее вопиющих проявлениях. Вопрос же о том, что относительный достаток сам по себе не решает глобальных проблем, поставленных перед человеческой цивилизацией на ее очередном крутом витке, казался второстепенным, а мещанство представлялось исчезающим вместе с неравенством. Реальная связь между проблемой крайней бедности и проблемой посредственности, естественно, была мнимой. И прозрение творческой мысли Герцена заключалось в том, что он в своей концепции всепобеждающего мещанства выявил злокачественную опухоль европейской цивилизации. И, хотя Герцен предвидел угрозу мещанства и в России, он правильно предсказал, что, несмотря на все темные стороны русского национального характера, которые он уже во многом видел с достаточной ясностью /пассивность, покорность народа, неразвитость личности/, мещанская умеренность и мелочная упорядоченность жизни свойственна ему менее других народов. Россия слишком любит крайности, слишком контрастна для мещанства — эта мысль позднее стала плотью и кровью русского интеллигентского самосознания и как раз данной стороной это сознание ближе всего прикасалось к действительности.

Следует отметить, что как в мировоззрении Герцена, так и позднее идея "антимещанства" сочеталась с представлением об историческом старении Западной Европы. Герцен неоднократно справедливо ссылаясь на то, что "образование у нас /в России/ — кладет предел, за который много глупого не ходит." <sup>1)</sup> Отсюда логически вытекала надежда Герцена на то, что вместе с образованностью, вместе с усвоением определенного уровня культуры России не придется мещанская страсть к комфорту, самодовольство и духовная успокоенность, что цивилизованная Россия не станет Россией мещанской. Однако, вопрос чем же станет Россия будущего не был в сознании Герцена однозначно решенным, хотя его убеждение в социальной ценности крестьянской общины и давало всему мирозерцанию Герцена отчетливый народнический оттенок.

Социальная ориентированность герценовской мысли, породив идею антимещанства, не давала возможности вполне выявить его мощнейшему ультраиндивидуализму, который и сам по себе, вне социальных утопий, являлся значительной разрушительной силой в условиях самодержавного государства. Концепция "русской общины" связывала идеалы Герцена с наивным утопизмом, объективно заслонив собой и оттеснив на второй план остальную часть его идейного наследства. Но и все же — идея антимещанства была брошена Герценом на интеллектуальную почву мыслящей России и не осталась без продолжателей.

На рубеже XIX-XX веков русская мысль одновременно переживала духовное возрождение, связанное с интенсивнейшим этапом духовных исканий, известным под именем "религиозного ренессанса", и период подведения итогов, период интеллектуального академизма, производивший одну за другой почтенные, насыщенные фактическим материалом истории русской литературы, философии и общественной мысли. Своеобразное поклонение заняла в духовной атмосфере этих лет книга Р.Иванова-Разумника "История русской общественной мысли", т.1 /Спб., 1907/.

<sup>1)</sup> Герцен А.И. Собр.соч., в тридцати томах, т.XV, с.168.

Иванов-Разумник не претендовал на безупречный объективизм, но тем не менее его исследование отмечено академическим систематизмом и основательностью. Рационалистически упорядоченная по изложению, книга Иванова-Разумника является собой попытку доказательства с позиций науки в ее позитивистском истолковании того общественного кредо русской интеллигенции, которое органически и в значительной степени стихийно сформировалось в XIX веке.

Первоначально Иванов-Разумник стремится сформулировать само понятие интеллигенции. Отталкиваясь от знаменитого славянофильского определения интеллигенции как "самосознющего народа" /слова Ивана Аксакова/, Иванов-Разумник пытается внести в это понятие социалогическую ясность. Он находит три "опознавательные" черты интеллигенции — внеклассовость, внесословность, преэминентность. Этически же интеллигенцию, как считает Иванов-Разумник, отличает "антимещанство". Таким образом, Иванов-Разумник вносит существенные коррективы в классически-народническую доктрину, согласно которой интеллигенция в лице "критически мыслящих личностей" способна сама творить историю. Наследуя у Герцена идею стихийности истории, непредсказуемости исторического будущего, Иванов-Разумник не склонен верить во всевластие интеллигенции в обществе. Наоборот, как доказывает Иванов-Разумник, интеллигенция неизменно оказывается в оппозиции к социальным и этическим нормам своего общества, она — все время в меньшинстве и, согласно логике Иванова-Разумника, неизменно далека от власти в государстве. Такой подход нельзя не назвать для своего времени реалистичным, отражающим специфику возникновения и существования интеллигенции в России.

Романтизм Иванова-Разумника, сквозящий в его концепции интеллигенции, отнюдь не противоречит фактам русской интеллектуальной истории XIX века. Однако, рационализм и своеобразный универсализм, пропитавший собой всю книгу Иванова-Разумника, сказывается на самом характере его мышления и выводов отрицательно. Каждому тезису своего труда он пытается придать характер всеобщности, внося в свои выводы элементы догматической окончательности. Стараясь

ределенно обобщить герценовское понимание мещанства, Иванов-Разумник делает весьма характерный "всеобъемлющий" вывод: "очевидно, что мещанство, в противоположность интеллигенции, должно характеризоваться отсутствием творчества, отсутствием активности; новые идеалы, новые формы, активное проведение их — все это несвойственно мещанству." <sup>1</sup> Нетрудно видеть, что цитированное суждение в высшей степени умозрительно. Называя /и совершенно справедливо/ интеллигенцию группой творческой и творящей идеалы, Иванов-Разумник в соответствии с формальной логикой мыслит мещанство как "антипод" интеллигенции, характеризуемый всеми противоположными качествами. Но ведь уже Герцен назвал мещанство "толпой сплоченной посредственности", которая вытесняет духовную утонченность и элитарность прежних эпох, несет в жизнь всепобеждающую вульгарность, т.е. достаточно активно выдвигает собственные, новые по отношению к уходящим ренессансным, просвещенческим и равно простонародным идеалы.

Расширяя герценовское понимание категории духовного мещанства и считая возможным не только говорить о мещанстве в России 50-60-х годов XIX века /тезис, с которым едва ли мог согласиться сам Герцен/, но и доказывая существование русского мещанства в течении всего прошлого столетия, Иванов-Разумник в конечном счете приходит к явной тенденциозности в оценке общественно-литературного процесса в России, тем более пагубной, что всей книге Иванова-Разумника намеренно придана научная оболочка. Уже выдвинутое Ивановым-Разумником определения мещанства как воплощающего "узость, плоскость и безличность (узость формы, плоскость содержания и безличность духа)" <sup>2</sup> слоя общества имеет в значительной степени риторический характер. Можно даже сказать, что конкретное содержание последнего определения минимально. Более весомые основания имеет стремление Иванова-Разумника вычленив в истории русской литературы и мысли XIX века индивидуализм и "ультраиндивидуализм", понимаемый как "премат личности" или более расширенно — "признание человеческой личности первой и главной ценностью".

<sup>1</sup> Иванов-Разумник "История русской общественной мысли", т.1, с.14.

<sup>2</sup> Там же.

Действительно, индивидуализм в России в XIX столетии проявляется тем более резко, что вплоть до XVIII века он за отдельными исключениями практически отсутствовал в русской культуре и самосознании. Но борьба за индивидуализм не тождественна борьбе с мещанством.

Восприятие всякого политического шага к "примирению с действительностью" как уступки духовному мещанству приводит Иванова-Разумника к довольно прямолинейной и заниженной в целом оценке исторической роли Карамзина, чей консерватизм на фоне поражения восстания декабристов оказался пророческим и был наследован славянофилами и Достоевским, к явно несправедливой в своей жесткости характеристике литературной деятельности Жуковского, личность которого Иванов-Разумник без достаточных оснований сближает с лирическим героем его поэзии. Лучшие страницы книги посвящены творчеству Гончарова, чья проповедь духовного мещанства как раз на пороге буржуазной эры в России была несомненна, с деятельностью и мировоззрением Герцена, на чьи идеи опирался сам Иванов-Разумник. Не вполне убедительно выглядит тезис Иванова-Разумника о некоем "официальном мещанстве", к которому относятся согласно его схеме все те мыслители, кто так или иначе поддерживал официальную идеологию самодержавного государства в России в 30-50-х годах XIX века. Идеологию николаевской России точнее охарактеризовать как "официальную народность" /собственно, это наименование и утвердилось ныне/, а мещанство подразумевает нечто ей в то время глубоко чуждое - буржуазность.

В конечном счете в работе Иванова-Разумника соседствуют убедительность и схоластика, близость к подлинным фактам и схематизм. Его книга имеет своей скрытой целью по-своему "канонизировать" герценовскую идею антимещанства как часть неонароднических доктрин начала XX века. Но применяя концепцию антимещанства буквально ко всей истории русской мысли, Иванов-Разумник явно не всегда сводит концы с концами. И дело здесь не только в том, что он сбрасывает со счета существенный для Герцена социальный аспект категории мещанства. В своей основе идея антимещанства оказалась недостаточно логически выверенной для разработки в позитивистском русле, как это пытается сделать

Иванов-Разумник. Принципиальный адогматизм мышления Герцена, эстетическая заостренность его идей, чуждые Иванову-Разумнику в период работы над данным его трудом, привели к тому, что вопреки стараниям Иванова-Разумника мысли Герцена о грядущем мещанстве теряли свою вдохновенность и силу воздействия, превращаясь под его пером из "вольных" идей в строгие определения.

Хотя Иванов-Разумник и не считал себя исключительно рационалистом и систематизатором, но стремление аргументировать свою концепцию по всем канонам формальной логики тяготело над его трудом. Само же понятие интеллигенции и связанное с ним на русской почве понятие "антимещанства" оказалось настолько духовным, что в социологическом отношении оно и до сих пор не поддается окончательной квалификации. Именно этого не увидел Иванов-Разумник, и исключительно духовная сторона истории русской интеллигенции в итоге не была им высвечена полностью. Она оказалась ближе мыслителям религиозной ориентации и, прежде всего, Мережковскому, посвятившему интересующей нас теме антимещанства замечательную статью "Грядущий Хам".

В известной книге "Самопознание" Н.А.Бердяев, касаясь мировоззрения и личного облика Д.С.Мережковского, определил особенность его взглядов как некую изначальную двойственность, фактический отказ от поисков истины и бесконечное любование игрой противоречий. Конечно, определенная антиномичность мышления у Мережковского была и однозначность выводов его работам менее всего присуща - в них постоянно доминирует элемент сомнения, тревожность исканий. Но, ведь, об окончательной истине, истине в последней инстанции никогда не говорил и Достоевский. Пророком абсолютной правды-истины считал себя в последние годы жизни Лев Толстой. Но "толстовская" /условно говоря/ ориентированность на поиски окончательной истины, свойственная и Бердяеву, не есть единственный путь русской мысли.

Д.С.Мережковский стал одним из первых деятелей русского религиозного ренессанса. Он - автор талантливых стихов-символистской ориентации, многочисленных романов, не всегда художественно удачных, но привлекающих глобальностью проблематики и нарастающей необычностью тем. И все же в

творческом наследии Мережковского на первый план следует выдвинуть его работы по общественной мысли.

Статья "Грядущий Хам" — произведение в полном смысле слова эпохального значения, завершающая своим появлением процесс постепенного разочарования русской интеллигенции в народе. Стремясь в кризисную эпоху выдвинуть новые общественные идеалы и не отрекаясь при этом от идейного наследия прошлых поколений, Мережковский тем не менее в большей степени предстает как разрушитель "идолов" прошлого, чем как создатель новой общественной философии и новой веры.

Прежде всего, Мережковский подвергает своей критике "философию бездуховности", которую в его глазах олицетворяет собой позитивизм. Весьма вольно трактуя герценовское высказывание о "научном реализме" в Западной Европе, Мережковский определяет этот "совершенный" позитивизм как религию без Бога, когда "все просто, все плоско", когда торжествует "несокрушимый здравый смысл, несокрушимая положительность".<sup>1</sup> Стремясь к максимальной символизации используемых понятий, Мережковский сравнивает это состояние Европы с застойностью "Небесной Империи", когда, по его словам, господствует "царство вечной середины, вечной посредственности, абсолютного мещанства".<sup>2</sup> "Китайскому поклонению предкам, золотому веку в прошлом соответствует европейское поклонение потомкам, золотой век в будущем. Если не мы, то потомки наши увидят рай земной, земное небо — утверждает религия прогресса. И в поклонении предкам, и в поклонении потомкам, одинаково приносится в жертву единственное человеческое лицо, личность безличному, бесчисленному роду, народу, человечеству", — доказывает Мережковский.<sup>3</sup>

В осмыслении Мережковского социальный аспект идеи антимищанства полностью заменен религиозным. Мещанство охарактеризовано как религиозность без веры и религия без

<sup>1</sup> Мережковский Д.С. Полн. собр. соч., т. X1, СПб., — М., 1911, с. 6

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же, с. 6 — 7.

лога, с которой не сможет совладать никакой социальный переворот. В начале XX века Мережковскому нетрудно было выявить всю утопичность надежд Герцена на русскую крестьянскую общину как средство спасения от всепобеждающего шествия мещанства с запада на восток Европы. Давая оценку полемике Герцена с Бакуниным, в которой последний, удачно вскрывая не состоятельность герценовских надежд на Россию, в противовес "общинности" выдвигал идею "анархии" как единственной силы, способной противостоять государственной регламентации и моральной косности в обществе, Мережковский пишет: "Сила и слабость анархизма в том, что он не предопределяет никакого социального творчества, не связывает себя никакой ответственностью за будущее перед прошлым, и с исторической мели мещанства выплывает в открытое море неизведанных исторических глубин, где предстоит ему или окончательное крушение, или открытие нового неба и новой земли."<sup>1</sup> Таким образом, ни анархизм, ни "русский социализм" в глазах Мережковского не является подлинным противоядием мещанству. Несмотря на в целом критическое отношение к "историческому христианству" Мережковского в значительно большей степени отталкивает уверенность анархизма во всемогуществе человека. Автор "Грядущего Хама" явно склоняется к старинной идее о том, что лишь христианство может стать надежной "уздой" для человеческих страстей, способно облагородить человека. Мережковский достаточно тонко замечает, что бакунинский "абсолютно свободный человек" был слишком похож на ницшеанского "сверхчеловека", чтобы его смог со спокойным сердцем принять Герцен, "который боится всякой мистики больше всего."<sup>2</sup> Но и сам Мережковский — мистик по самому строю мышления, — усмотрел в идее анархии, не безразлично к религии, а посягательство на нее.

Собственная позитивная общественная программа была изложена Мережковским характернейшим образом — в форме дилеммы. Так, он пишет: "В судьбе Герцена, этого величайшего русского интеллигента, предсказан вопрос, от которого зависит судьба всей русской интеллигенции: поймет ли она,

---

<sup>1</sup> Мережковский Д.С. Полн. собр. соч., т. XI, с. 11.

<sup>2</sup> Там же.

то лишь в грядущем христианстве заключена сила, способная победить меџанство и хамство грядущее? Если поймет, то будет первым исповедником и мучеником нового мира; а если нет, то подобно Герцену, — только последним бойцом старого мира, умирающим гладиатором." <sup>1</sup> Казалось бы, нереалистическая в своей глобальности постановка Мережковским вопроса о судьбе интеллигенции, о будущем меџанстве в то же время, в сущности, являлась весьма тонкой. Н.А.Бердяев, отличавшийся среди русской религиозной интеллигенции начала XX века чутьем к социально-политическим проблемам бытия человека, попытался найти приемлемое сочетание идей "антимеџанства" и идеи "демократии" в статье "Демократия и меџанство" /1906 г./, но эта попытка не оказалась достаточно убедительной. Когда Бердяев писал, что "в демократии мы видим вечную правду, признание достоинства человеческого лица, как такового", <sup>2</sup> он лишь констатировал для своего времени теоретически уже далеко не новые истины. Более резко, даже с некоторым вызовом социальному традиционализму социальная "левизна" Бердяева проявилась в его утверждении, что демократия должна "совершить до конца свою попытку насильственного, бесчеловеческого социального и государственного иерархизма". <sup>3</sup> Защитой радикальных социальных устремлений определен и не вполне бесспорный вывод, что "меџанство не демократия и не по социальным признакам оно определяется". <sup>4</sup> Пожалуй, общие положения статьи, в том числе и выше перечисленные, нет особых оснований подвергать сомнению. Бердяев в целом характеризует и культурологическую суть проблемы, отмечая глубокую "антиномию" между демократией и культурой. <sup>5</sup> Но в то же время острота проблемы меџанства в изображении Бердяева стирается. Рассуждая о дилемме

---

Мережковский Д.С. Полн.собр.соч., т.XI, с.19

Бердяев Н. Опыты философские, социальные и литературные /1900-1906 гг/, Спб., 1907, с.412.

Там же

Там же, с. 413

Там же, с. 415

идея "мещанство и цивилизация" с высот объективистски ориентированной религиозной философии, Бердяев не становится на сторону одинокой личности, отвернувшейся от демократизирующегося и одновременно омещанивающегося общества, общества сплоченной посредственности и духовного убожества только что расставшегося с вековой заботой и нищетой. Этот индивидуалистический протест глубоко субъективен по истокам, его психологическая природа всецело личностна. Поэтому и сама идея антимещанства чужда объективизму. Чужим оказался пафос антимещанства и творческой мысли Бердяева, всецело поглощенной поисками абсолюта.

Мы уже констатировали ранее достаточно общеизвестный факт - то, что "религиозный ренессанс" затронул в России начала XX века лишь высшие слои интеллигенции, провинциальная периферия которой осталась при позитивистских взглядах. В этой связи надежды Мережковского на очистительную роль "нового христианства" в тогдашней России были безусловно утопичны. Только высокая духовность могла быть противопоставлена мещанству и, может быть<sup>76</sup>, именно в христианстве открывался ее возможный источник, но в реально-политических измерениях христианство в ту эпоху исторической жизни России не могло стать силой политически и социально значимой, способной трансформировать общество или хотя бы удержать его от всеобщей девальвации традиционных нравственных ценностей. И, если герценовское антимещанство - диагноз социальный, из которого можно было извлечь и политические выводы, то антимещанство Мережковского - диагноз духовного состояния общества, который может быть понят и оценен лишь в контексте индивидуальных исканий смысла бытия, поисков новой нравственности и нового искусства отдельными представителями интеллигентской элиты. Характерно также и то, что являясь публицистом, писателем и поэтом, Мережковский не был общественным деятелем в широком смысле этого понятия. В его время классический тип русского интеллигента - ставящего выше всего идею всеобщего блага, стремящегося к активной общественной борьбе во имя политического раскрепощения и социального равенства, - уже уходил в анналы истории. Обращаясь к политически значимым, социально окрашенным ске-

ам, Мережковский тем не менее не сумел выйти за пределы литературы и литературности. Даже в публицистике он остался литератором, богоскателем. В конечном счете в этом казался тип интеллигентского сознания его эпохи, эпохи, — когда уже ни интеллигентская элита, ни интеллигенция в целом не могли решать исторические судьбы России, стремительно уносимой в сторону всеобщего социально-политического взрыва и распада.

В заключении нельзя не отметить, что упорное антимещанство интеллигенции в стране, где мещанство в буржуазном смысле /сравнительно образованный средний класс общества/ так и не сформировалось, может выглядеть, как борьба с призраками, с несуществующими опасностями. Действительно, реальная угроза победы в России именно буржуазности была сравнительно невелика. Но идея антимещанства выполняла в интеллигентском сознании другую функцию — выдвигая свое духовное кредо как антимещанство, интеллигенция России выносила свое неприятие буржуазных ценностей, буржуазного общества. Интеллигентский бунт против буржуазного мироустройства совпадал с общим направлением исторического движения страны. С нашей точки зрения он был в высшей степени типичен именно на русской почве. Культурологически русское "антимещанство" как и нищезанство, как позднев и экзистенциализм стали опорой ультра-индивидуализма XX столетия, историческое бытие которого еще продолжается.

oooooooooooooooooooo